

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Юрий ЛЕВАДА

Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций¹

О терминах. Фразеологический стереотип некоего пути, по которому страна, общество как будто может "идти" вперед или назад, от "пункта А к пункту Б", обладает, на мой взгляд, сильнейшим дезориентирующим воздействием. "Линейная" метафора исторических процессов (по излюбленной примерно с середины XIX в. железнодорожной модели с такими компонентами как "путь", "локомотивы истории", "наш паровоз вперед летит", и пр.) давно утратила когнитивный потенциал; возможно, она годится для описания положения в определенной сфере, например, технологической, но менее всего — для понимания явлений социетального масштаба. В обществе могут одновременно происходить типологически различные изменения в разных сферах. Между тем терминологические "шапки" всей серии ежегодных симпозиумов "Куда идет Россия?.." выдержаны в духе такой метафоры, а нынешний вариант ("Куда пришла...") исподволь подсказывает образ какого-то конечного пункта, станции, гавани, куда страна добралась после долгих странствий. Такая подсказка именно сейчас представляется малоподходящей. Может быть, несколько удачнее выглядел бы иной (тоже ограниченный, метафорический) образ — попытки определить сегодняшние социальные, экономические, политические, нравственные, международные и другие *координаты* тяжелого и трудноуправляемого корабля, дрейфующего во льдах под ветрами со всех сторон.

Другой терминологический момент, который нередко заводит обсуждение в непродуктивный тупик, — обличение "проекта" реформ и поиски виновников (неудач или, при ином угле зрения, зловредности самих реформ). Но перенесение в социальное знание, притом на социетальный уровень, сугубо технологического и довольно строгого термина "проект" ("либеральный проект", "советский проект", "нацистский...", "китайский...") не более как дань наукообразной моде. Ника-

кие реформаторы, революционеры, преобразователи, как, впрочем, и их противники, никогда ни в одной стране не имели и не могли иметь разработанных "проектов" изменений, которые соотносили бы цели, средства, затраты, прямые и косвенные общественные последствия предпринятых действий. В лучшем случае имелись какие-то, например, обоснованные чужим опытом предположения о том, как скажутся данные политические, экономические, технические и прочие акции на положении общества.

Три основных тезиса, которые, как представляется, важны для понимания сегодняшних "координат" российского общества:

1) "всеобщее" стремление к сохранению существующего уровня стабильности, отсутствие линий открытого социально-политического противостояния (подобных тем, что существовали в 1987–1991 и в 1992–1999 гг.);

2) отсутствие долговременных возможностей для сохранения такой стабильности, принципиальная неустойчивость существующего соотношения сил и влияний на всех уровнях;

3) как следствие — едва ли не повсеместно доминирующее вынужденное стремление *имитировать* стабильность, уверенность, решимость, успехи, высокое общественное доверие в отношении власти (точнее, только одного ее носителя — президента).

Имитация — ключевое слово при анализе действий и оценок в различных сферах и на разных уровнях общественной жизни страны. Имитация означает использование формы, вывески, слов, лишенных реального содержания. Поэтому в одно и то же время можно имитировать какие-то либеральные перемены и отказ от них в пользу государственной монополии, соблюдение демокра-

¹ В основе статьи — доклад на 10-м международном симпозиуме МВШСЭН и Интерцентра "Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации", январь 2003 г.

тических принципов и стремление к авторитаризму, уважение к правовым институтам и сохранение "телефонного права", сближение с Западом и отгораживание от него — при довольно малых изменениях в реальном положении "дрейфующего" государственного корабля. Можно наблюдать имитации сильной (или "силовой") власти и активной оппозиции при слабости обеих. Имитация как будто устраивает "всех" в ситуации неопределенности интересов и позиций социально-политических сил. Она может быть более или менее осознанной (и тем самым превращаться в условную игру, фарс, не обязательно легкий) или — редко, может быть, в единичных случаях — приниматься "всерьез".

Неоднозначность пройденного. Никто не может отрицать, что в жизни людей и страны за последние 15–18 лет произошли огромные и в принципе необратимые изменения. Общественное мнение, например, в одном из опросов, проведенном в октябре 2002 г., как обычно выносит на первый план болевые точки, утраты (распад Союза ССР, падение жизненного уровня) и отодвигает на дальние позиции в списке такие достижения, как преодоление дефицитарной экономики, экономические и политические свободы. Исследователь, естественно, обязан анализировать более сложную картину, оценивать альтернативы, коридоры возможностей, социально-групповые аспекты, риски и другие компоненты происходящих процессов. Но и здесь особое внимание к незавершенным этапам и нерешенным проблемам вполне оправдано.

Нельзя считать завершенным распад советской системы на ее государственном, общественном, социально-антропологическом уровнях. Мы все еще живем скорее на развалинах "старого дома", чем в каком-то "новом доме". Элементы конструкций, характерных для ушедшей эпохи, продолжают действовать, в том числе в установках и стереотипах массового сознания, которые обнаруживаются в исследованиях. Трудно оспаривать необратимость произошедших перемен хотя бы в их разрушительной части. Нигде и никогда не бывали "обратимыми" изменения исторического масштаба, даже в условиях консервативных перестановок в правящих элитах, реставраций, контрреформ и иных поворотов. Но никаких гарантий плавного развития и рационального выбора вариантов перспективы отсюда не следует.

Если в начальные ("перестроечные") годы перемен происходил, условно говоря, выбор между традиционно-советскими и реформированными моделями социализма, а позже — между различными вариантами преодоления этих моделей, то сей-

час перед страной более сложный выбор типа политического режима, экономического строя, социальных гарантий, наконец, места в мировом сообществе. Дилемма "план или рынок" утратила смысл, в сегодняшней (и послезавтрашней) повестке дня — вопрос о том, какой тип рыночных отношений утвердится в стране: "дикий" (азиатский, южноамериканский, европейский начала XIX в.) или "цивилизованный", современный, — и о том, насколько реально демократичным будет политический строй, насколько будут сохраняться диктаторские, деспотичные, авторитарные, холопские традиции и т.д.

Стабильность как "всеобщая" надежда. Одна из приметных особенностей нынешнего положения в стране — всеохватывающая установка на стабильность. Это не равносильно удовлетворенности существующим положением. Признаки социального недовольства наблюдаются практически во всех слоях — от бизнесменов до военных. Местные выборы последних месяцев на уровне субъектов федерации обнаружили довольно напряженное противостояние сил, с трудом поддающихся воздействию "центра" (президентского). Очагом дестабилизации, конечно, остается Чечня.

Однако в общероссийских масштабах никто, по всей видимости, не хочет и не может добиваться решения своих проблем с помощью открытой конфронтации. Ничего напоминающего внутренний конфликт М.Горбачева с партийными консерваторами в годы перестройки или публичное, провокационное противостояние Б.Ельцина сначала Верховному Совету, потом компартии сейчас не видно. Никакая парламентская оппозиция и вообще никакая политическая сила — ни "левая", ни "правая", ни воинственно-патриотическая — не могут сейчас решиться на прямое противостояние президентскому "центру". Если не считать демонстративных словесных выпадов в адрес власти, видимая на политической верхушке борьба — это борьба за влияние на президента, попытки склонить его на свою сторону хотя бы для получения нужной резолюции, в ином варианте — попытки просто устраивать свои дела "под крышей" администрации. Такая ситуация означает, что все явные или неявные участники политических акций сегодня прежде всего опасаются утратить те позиции и тот капитал, который они получили ранее (места в Государственной Думе или около правящей администрации и пр.). Но и "невлиятельные" силы, т.е. масса населения, совокупный электорат, помня о катаклизмах минувших лет, опасаются потери хотя бы существующей стабильности.

Факторы неустойчивости. Стабильность "застойной" эпохи закончилась обвалом, а значит, была весьма неустойчивой. (Обвалом, хотя и растянутым во времени, закончилась 50 лет назад и эпоха сталинизма.) Нередко возникающее в современной публицистике уподобление нынешней ситуации временам "застоя" имеет некоторые основания — нефтяная труба в фундаменте экономического благополучия и прочее, но все же малосодержательно. В основе видимой стабильности брежневского периода — инерция движения сложившегося социально-политического механизма по привычной траектории. Нынешняя же претензия на общественную стабильность глубоко конъюнктурна, опирается на вынужденное обстоятельством согласие нескольких разнородных групп влияния при всеобщей политической апатии. Символическим центром этого далеко не "сердечного" согласия является фигура действующего президента. На ближайшую перспективу (месяцы, годы до следующего электорального цикла, например) такое согласие достаточно прочно, поскольку вовлеченные в него силы в этом нуждаются, в более дальней перспективе оно вряд ли может сохранять устойчивость. Ни умеренный экономический рост, собственно воспроизводящий уровни производства и потребления, достигнутые до обвала 1998 г., ни ограничение парламентских, политических и масс-коммуникативных "раздражителей" не могут обеспечить существующей социально-политической конструкции стабильной перспективы.

Исследователям давно известно, что непосредственные результаты опросов общественного мнения, как правило, неоднозначны: в массовом сознании, даже в одних и тех же общественных группах, позитивные оценки каких-либо действий, персонажей сопровождаются оговорками, неуверенностью в оценках. Объяснение причин видимых парадоксов представляет одну из самых серьезных проблем социологического анализа общественного мнения. Вот несколько примеров, относящихся к рассматриваемой теме.

Достижения и тревоги. Значительная часть населения России оценила прошедший 2002 г. как в целом успешный для себя. В то же время год показался заметно труднее предыдущего — увеличились опасения потерять работу, усилились настроения растерянности и страха. Можно полагать, что, наряду с позитивными изменениями в экономике, в уровне доходов, на общественные настроения воздействуют такие факторы, как замедление экономического роста в различных отраслях, а также переживания, вызванные крупными террористическими актами,

захватом заложников в Москве. Поэтому нотки оптимизма в общественном мнении звучат неуверенно.

Нерешенные проблемы. На протяжении последних лет, в том числе и в 2002 г., в общественном сознании российских граждан постоянно преобладают мнения о том, что правительство не способно справиться с проблемами страны, обеспечить рост экономики, повысить уровень благосостояния, навести порядок в стране, противостоять криминалу.

Отсутствие "порядка". В системе массовых предпочтений требование "порядка", не очень ясно представляемого, занимает одну из ключевых позиций. Действия президента и правительства в наведении порядка население считает скорее неудачными. По мнению большинства опрошенных, уровень коррупции в руководящих эшелонах власти страны за последнее время не уменьшился, а даже вырос. Создание "вертикали власти" с помощью представителей президента в федеральных округах расценивается как неэффективное. Избранные губернаторы неизменно получают доверие большинства, в то время как уровень доверия к назначенным президентом представителям ("генерал-губернаторам") остается невысоким.

Экономические преобразования (частная собственность, предпринимательство) в значительной мере принимаются как свершившийся, но скорее огорчительный факт. Довольно малая часть населения (15–20%) полагают, что выиграли от реформ, более половины, по их словам, вынуждены приспособляться к существующему положению, снижая свой статус и уровень запросов. В последние месяцы наибольшее беспокойство вызывает рост цен, в частности, на лекарства и медицинское обслуживание, и перспективы реформы ЖКХ.

Чеченская война уже много лет служит источником сложных коллизий в российском обществе и общественном мнении. Большинство опрошенных не доверяют официальным сообщениям по этой проблеме, но готовы принять предлагаемую трактовку событий. Население устало от войны, не видит конца вооруженному противостоянию, обеспокоено неоправданно крупными потерями федеральных сил, угрозой нравственного разложения и дискредитации армии. В то же время оно нередко склонно оправдывать бессудные расправы, "зачистки", поведение таких военачальников, как полковник Буданов и пр. Уже давно, примерно с осени 2000 г., в общественном мнении заметно преобладают суждения о необходимости перейти от военных действий к мирным переговорам. Эта тенденция была

прервана на время после известных событий захвата заложников в Москве, но с конца 2002 г. она снова стала заметной. Ради прекращения военных действий значительное большинство российских граждан готово согласиться даже с предоставлением независимости мятежной республике (в январе 2003 г. лишь 25% опрошенных решительно возражали против этого).

Проблема чеченской войны играет важную роль в самоопределении компонентов российской политической элиты и механизма высшей исполнительной власти, силовых структур, спецслужб. Причем в нынешней политической ситуации она, по всей видимости, порождает зависимость конфигурации правящих групп от продолжения неразрешимого конфликта. События вокруг трагедии на Дубровке в октябре 2002 г. еще раз с предельной наглядностью показали, что для сложившегося альянса сил во властной вертикали более всего опасен вариант какого бы то ни было примирения с противоборствующей стороной, этим определилось главное направление ударов по "умеренным" фигурам, непослушным информационным каналам и пр.

Международные позиции России — единственная сфера деятельности президентской власти, которую общественное мнение неизменно оценивает как успешную. Значительное влияние на такие оценки имеет, видимо, эффект наглядности многочисленных встреч и показательных договоренностей международных лидеров с участием российских. Правда, демонстративное сближение с Соединенными Штатами, бывшим главным противником, встречает не вполне последовательные и неоднозначные реакции как в общественном мнении, так и в политической и военной элитах, в СМИ. Согласие с общей линией объявленной президентом В.Путиным полной поддержки "антитеррористической" кампании США постоянно размывается то искусственно созданными в начале 2002 г. скандалами околоспортивного патриотизма, то напряженным ожиданием последствий иракской кампании.

Феномен парадоксально высоких показателей (рейтингов) президента В.Путина, сохраняющихся на фоне сдержанных или просто негативных оценок его (и правительства) деятельности в различных сферах, нередко пытаются объяснить то ли "сказочными" традициями российского сознания, то ли изошренностью рекламных политтехнологий, а то и просто недобросовестностью исследователей и т.п. Между тем анализ данных исследований общественного мнения позволяет представить вполне реальные и прозаические механизмы высоких рейтингов в

как будто неподходящих условиях. Доверие населения к президенту в 2002 г. 21% опрошенных объясняли его успешными действиями, 44% — надеждами на будущие его успехи ("еще сможет справиться"), а 31% — просто тем, что больше не на кого надеяться. Годом ранее были получены аналогичные данные. Таким образом, ключевым словом оказывается *надежда*, точнее даже — желание надеяться, которое диктует массовому сознанию своего рода направленный отбор поступающих сигналов. Например, заслугой президента считается повышение выплат населению, в то время как вину за рост цен население возлагает главным образом на правительство. Еще один штрих к оценке качества массовых надежд. Стабильный на протяжении 2002 г. показатель одобрения деятельности президента резко пошел вверх после событий на Дубровке, затем снова вернулся к прежним значениям. Это показывает, что действует феномен надежд, вызванных тревожной ситуацией, страхом, растерянностью.

Проблема институционального "дефицита". Слабости, противоречия, нерешенные проблемы неизбежны, особенно в нестабильных условиях. Вопрос в другом — в наличии *институциональных средств* для цивилизованного, наиболее рационального решения проблем. "Конъюнктурная" примитивность нынешнего общественного устройства побуждает к простейшим, накатанным вариантам — *госмонополистическим*, запретительным, просто силовым. Сюда можно добавить и дефицит адекватного понимания ситуации. Именно отсюда возникает реальная, в перспективе — возрастающая, угроза стабильности государства и общества.

Стабильной правомерно считать общественную систему, способную к воспроизводству, саморазвитию, к сопротивлению разрушительным воздействиям, к преемственности и обновлению человеческого потенциала властных и других институтов.

Как известно, неспособность советской системы к исполнению таких функций оказалась фатальной для нее. Но и нынешнему положению вещей нельзя приписать пока никакие из перечисленных характеристик стабильности. Так, и сегодня конституционно закрепленный механизм ротации и передачи власти фактически работает по давнему советскому образцу: власть имущие выдвигают, народ одобряет. Раньше выдвигала партийно-государственная верхушка, казавшаяся незыблемой, сегодня — верхушка аппарата, которую трудно считать стабильной.

Судьба иллюзорных ожиданий. К несомненным достижениям последних лет стоило бы отнести преодоление ряда иллюзий, отработавших свое в начальный момент эпохи перемен. Сюда относится, например, представление о том, что рыночные механизмы способны чуть ли не автоматически обеспечить и экономический рост, и благосостояние населения, и политические свободы, и социальные гарантии, и права личности и т.д., или о том, что выход из международной изоляции уже обеспечивает стране достойное место в системе мировых политических и экономических связей.

В этот ряд несостоятельных, а потому и несостоявшихся ожиданий следует поставить и надежду на появление в отечественном социальном поле *нового человека*, свободного от наследия тоталитарного прошлого и готового выступать активным фактором созидания новой жизни. Наблюдения и исследования последнего времени показывают, что перед нами не "новый", а "приспособившийся" (или *вынужденный* приспособливаться человек). Доминирует понижающая адаптация человека к изменившимся обстоятельствам, причем это относится не только к экономическому, но и к социальному, статусному положению. Нуждаются в осторожной интерпретации утверждения о том, что успехи и благополучие человека определяются теперь его собственными усилиями. Речь идет скорее об определенном ослаблении расчетов людей на заботу со стороны общества, государства; реальные возможности для того, чтобы собственными силами обеспечить себе достойное место в обществе, имеют немногие.

К показателям "понижающей адаптации" человека к обстоятельствам можно отнести вспышки "авторитарных" иллюзий относительно власти, живучесть, а точнее, усиление, этнопсихологических стереотипов и барьеров в массовом сознании. Правда, в исследованиях заметны и некоторые пределы, ограниченности влияния таких факторов. Сейчас ясно, что мобилизационный эффект воинственной полити-

ки оказывается недолговечным, феноменальное доверие к лидерам сопровождается существенными оговорками, ретроспективная символика не имеет реального влияния и т.д. Заметные колебания общественных настроений обусловлены тем, что последние не укоренены в убеждениях и установках людей.

Перспективы: опасности и ожидания. Нет никаких серьезных оснований ожидать какого-то социального взрыва, разрушительного массового недовольства и подобных акций (или утешать себя отсутствием таковых). XX в. отодвинул катаклизмы такого рода — условно говоря, "баррикады" — далеко на периферию развитых обществ и современных государств. В этом отношении мы к ним приближаемся, поскольку исторические традиции терпения и снижения запросов делают возвращение подобных акций на российскую почву нереальным. Иное дело — исчерпание потенциала того противоречивого альянса сил, который сейчас вынужден (обстоятельствами) отвечать за положение страны. Можно вспомнить, что все происходившие в России в XX в. смены режимов и форм правления были связаны в первую очередь не с нажимом "снизу", а с разложением и беспомощностью пирамиды власти, ее верхушки; массовые выступления протеста, если они и были, играли в основном фоновую и подсобную роль.

Изменение обстоятельств, внутренних или внешних, сложившихся соотношений групп давления, переориентация или смена действующих лиц — значительно более вероятные факторы "среднесрочных" перемен, чем какой-либо "низовой" взрыв или "верхушечный" путч. К сожалению, сейчас трудно говорить об активной роли образованной элиты, наследующей традиции отечественной интеллигенции. Мы слишком привыкли метаться от увлечений к отчаянию, видеть только верхушки событий и перемен, надеяться только на милости власти и немедленное исполнение желаний. Т.Элиот пророчил когда-то: "Мир погибнет не от взрыва, а от нитья", — право, будто в наши воды глядел...